

УДК 811
ББК 81.2
Д 84

Редакторы:
Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец

Утверждено к печати Ученым советом
Института языкознания РАН

Рецензенты:
к.ф.н. *И. Г. Багирова*, к.ф.н. *Н. В. Сердобольская*

Д 84 **Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова** / Ред. Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. М.: Буки Веди, 2021. — 480 с. — ISBN 978-5-6045633-5-9.

Сборник статей написан друзьями и коллегами доктора филологических наук, профессора Расула Османовича Муталова к его 60-летию. В сборник вошли статьи, принадлежащие различным направлениям лингвистики, относящихся к научным интересам юбиляра, включая дагестанские языки и в особенности языки даргинской группы, теорию грамматики, синтаксис, фонетику, дискурсивный анализ, лексикологию, социолингвистику, психолингвистику, сравнительно-историческое языкознание. На русском, даргинском и английском языках.

Статьябала жуз белкунси саби филологияла Гилмуртала доктор, профессор Расул Гусманович Муталовла гьалмагунани ва барх бузутани ил 60 дус виънилис. Жузлизиди калдерхурли сари юбилярла гилмулашалти пикрумикъасаначи хастиди мез руркъусиди гилмула деклар-декларти бялчибизунала белклани, илкьяйда дагьиста ва хаслира даргала къукьялизиди калдерхурти мезани, грамматикала теория, социолингвистика, психолингвистика, сравнительно-историческое языкознание. Урус, дарган ва англияла мезаначил.

The volume consists of papers written by friends and colleagues of Prof. Dr. Rasul O. Mutalov on the occasion of his 60th birthday. The papers address issues in different branches of linguistics that have been focus of research interest for R. O. Mutalov, including the Daghestanian languages and especially the languages of the Dargwa group, theory of grammar, syntax, phonology, discourse analysis, lexicology, sociolinguistics, psycholinguistics, historical-comparative studies. In Russian, Dargwa and English.

Дизайн обложки: *Кс. П. Семёнова*

В оформлении обложки использована фотография Андрея Бабаева

9 785604 563359

© Авторы, 2021
© Институт языкознания РАН, 2021
© Институт лингвистики РГУ, 2021

«ГРАММАТИКА ПРИТВОРСТВА»: К ВНУТРИГЕНЕТИЧЕСКОЙ МИКРОТИПОЛОГИИ ОДНОЙ КОНСТРУКЦИИ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Т. А. Майсак

Институт языкознания РАН / НИУ Высшая школа экономики

1. Введение

Цель настоящей статьи — выявить, в самом общем и предварительном виде, типологическое варьирование, наблюдаемое при выражении значения ‘сделать вид, что’ в языках нахско-дагестанской семьи.

Значение ‘сделать вид, что’ (как и ‘притвориться, что’, ‘притвориться кем-либо’) не является «популярным» в нахско-дагестанском языкознании: средства его выражения, по всей видимости, никогда систематически не изучались. Более того, заранее неизвестно, какими в принципе средствами — например, лексическими или грамматическими, — это значение чаще всего выражается в языках семьи. По нашим наблюдениям, в словарях нахско-дагестанских языков далеко не всегда удастся найти отдельный словарный вход с соответствующим предикатом; в грамматических очерках это значение, как правило, также не комментируется, что может указывать на отсутствие специализированных грамматических (по крайней мере морфологических) средств его выражения.

Предлагаемое исследование является *внутригенетическим* в том смысле, какой вкладывался в это понятие Дж. Гринбергом (Greenberg 1969/1990) и А. Е. Кибриком (Кибрик 1993; 2003; Kibrik 1998), — оно посвящено типологии выражения определенного значения на материале родственных языков и призвано выявить вариативность, наблюдаемую именно в рамках данной языковой семьи. Наше исследование можно также назвать *микротипологическим* — хотя число привлекаемых к рассмотрению языков не так мало (если иметь в виду общее число языков семьи и ее внутреннюю классификацию),

материалом для исследования стал перевод на эти языки всего лишь одного предложения. Это предложение — вторая часть стиха 28 главы 24 из Евангелия от Луки (Лк. 24:28), в современном русском переводе звучащая как *Иисус сделал вид, что хочет идти дальше*. Мы анализируем перевод этого фрагмента во всех доступных нам переводах Евангелия от Луки на языки нахско-дагестанской семьи — в общей сложности это 13 языков и 15 переводов. Дополнительно, с целью ареального сопоставления, мы привлекаем данные по трем тюркским языкам Дагестана (азербайджанскому, кумыкскому и ногайскому).

Таким образом, резюмируя, задачей настоящей работы является краткое описание конструкций, использованных при передаче одного и того же переводного контекста в выборке из тринадцати нахско-дагестанских языков с привлечением трех тюркских языков того же ареала. Далее в разделе 2 мы кратко остановимся на обсуждении «предикатов притворства» в типологической литературе, а в разделе 3 опишем наши исходные данные. Основной раздел 4 посвящен обзору выявленных конструкций со значением ‘сделать вид, что’ по языковым группам, в разделе 5 сформулированы обобщения, а в Заключение подведены итоги.

2. «Предикаты притворства» в типологической литературе

Насколько нам известно, способы выражения значения, передаваемого в русском языке при помощи предикатов *притвориться*, *прикинуться* и *сделать вид*, обсуждались в рамках двух направлений исследований — это типология комплементации (конструкций с сенсентивными актантами) и типология сравнительных (симилятивных) конструкций.

Так, в типологических обзорах комплементации Майкла Нунана выделяется отдельная группа «предикатов притворства» (*pretence predicates*), см. (Noonan 1985: 115–116; 2007: 126–127) (среди других групп — предикаты речи, пропозиционального отношения, знания, боязни, желания, фактивные, манипулятивные, фазовые предикаты и др.). В качестве английских эквивалентов предикатов притворства Нунан упоминает *imagine* ‘вообразить’, *pretend* ‘притвориться’, *make*

believe ‘сделать вид, притвориться’, *fool (into thinking)* и *trick (into thinking)* — последние два предиката можно перевести как ‘обманом или хитростью заставить думать, что’. Это предикаты с временной референцией, независимой от времени главной клаузы, а субъекты таких предикатов могут быть как экспериенцерами, так и агенсами. По словам автора, особенность предикатов этой группы состоит в том, что описываемый в зависимой клаузе мир не является реальным миром и, хотя этот статус не всегда специфицирован, вложенная пропозиция обычно считается ложной. При этом в тех языках, где проводится различие между оформлением «реальных» (ассертивных) и «ирреальных» комплементов, — например, за счет использования индикативных vs. конъюнктивных клауз, — предикаты притворства неожиданным образом кодируются так же, как «реальные» (ср. в русском *Я притворился, что / *чтобы Иван пришел*). Предлагаемое Нунаном объяснение такого поведения состоит в том, что хотя предикаты притворства конструируют альтернативную реальность, комплемент содержит утверждение о состоянии дел в рамках этой реальности.

В классификации Роберта Диксона предикат со значением ‘притворяться’ относится к «вторичным концептам», которые в языках мира могут реализовываться либо в лексиконе, либо в грамматике; к той же группе автор относит, например, предикаты ‘хотеть’, ‘надеяться’, ‘намереваться’ и др.). Относительно ‘притворяться’ Диксон отмечает, что в отличие от большинства других членов того же класса комплемент этого глагола нередко описывает ситуацию в настоящем или прошедшем, поэтому является фактивным и не включает модальный глагол (в качестве примера приводится *I pretended [that I was a preacher]* ‘я притворился, что я пастор’) (Dixon 2010: 394, 399, 403). В книге о типологии субординации (Cristofaro 2005) предикаты притворства не рассматриваются, хотя классификация семантических типов в целом базируется на обзоре Нунана.

В рамках исследования сравнительных конструкций к семантике притворства близок тот подтип сравнения, который в работах последних лет называется *симулятивом* (ср., в частности, статьи недавних сборников (Treis & Vanhove 2017) и (Treis & Wojtylak 2018)). Так, по классификации Ивонн Трайс сравнение разделяется на квантитативное и квалитативное. К первому относится сравнение неравенства (‘больше/меньше, чем’, ‘наибольший/наименьший’) и срав-

нение равенства ('такой же, как'). Ко второму типу относится «реальное» сходство, которое называют «симилятивом» (*similative*), и «нереальное»/«притворное» сходство, который называют «симулятивом» (*simulative*) (Treis 2018: iii); первое из них можно проиллюстрировать примером *Петя бежит как заяц*, второе — *Петя ведет себя так, будто он ребенок*. Во многих языках в симулятивных контекстах фигурируют обычные симилятивные показатели, однако в некоторых языках представлены и специализированные симулятивы, в том числе морфологические (например, в амазонском языке эсеэха, см. (Vuillermet 2018: 157–158)).

К данному подходу близко разделение двух типов клауз образа действия (*manner*) у Роберта Диксона — реальных и гипотетических. В первом случае действие главной клаузы происходит тем образом, который описывается в зависимой, ср. *He shaped the boomerang, in the way that / like his father had taught him* 'он изготовил бумеранг так, как его учил отец'. В гипотетическом же подтипе зависимая клауза описывает то, чем «притворяется» основное действие или чем оно могло бы быть, но не является, ср. *He extended his finger within his pocket, as if pointing a gun at her* 'он выпрямил палец в кармане, как будто наставив на нее пистолет' (Dixon 2009: 35–37).

Хотя конструкции с сентенциальными актантами кажутся морфосинтаксически далекими от сравнительных конструкций, между ними нет непроходимой грани: заметим хотя бы, что русский глагол *притворяться* может управлять не только зависимой клаузой с союзом *что* (см. выше пример из работы Нунана), но и клаузой, вводимой сравнительной частицей/союзом *будто* (ср. *Я притворился, что/будто мы не знакомы*). Как мы увидим ниже, показатели сравнения используются в интересующем нас контексте и в некоторых нахско-дагестанских языках.

Наконец, конструкции притворства могут описываться в языках и вне системы сентенциальных актантов или средств выражения сравнения, а среди особых глагольных форм (например, дериваций или наклонений). Так, в свое исчисление «семантических дериватем» И. А. Мельчук включает «дериватемы, обозначающие факты и присоединяющиеся к обозначениям фактов», к которым он относит, в частности, каузатив, трансформатив, реципрок, POSSIBILITY и ряд других значений, в том числе «симулятив», который толкуется как 'делать вид, что R'. В качестве примера приводятся суффиксы с

соответствующим значением из языков кечуа и калиспель (без перевода производных глаголов) (Мельчук 1998: 413–414).

Для обозначения показателей со значением типа ‘притворяться, будто’ иногда используется термин «претенсив» (*pretensive*), ср. краткий обзор в (Cinque 1999: 105–106). Так, в абхазском языке В. А. Чирикба описывает «притворное» наклонение (*pretensive mood*) с суффиксом *-šʰa* ‘как будто’ (‘as if’), передающим значение уподобления, ср. контексты типа ‘она притворилась, будто встает’. Конструкция включает также вспомогательный глагол (в обоих приводимых автором примерах это ‘делать’) (Chirikba 2003: 253). В грамматике (Аристава и др. 1968: 121) данная форма названа «призрачным наклонением» и описывается как выражающая «призрачность явления, то, что мерещится, мнится, представляется» (приводимые примеры имеют такие значения, как ‘им показалось, что якобы вышел Святой Георгий’, ‘он так стоит, будто взлетит’ и пр.).

Заметим, что термин «симулятив» использовался и применительно к данным нахско-дагестанских языков. В грамматике ицаринского языка даргинской группы описывается аналитическая симулятивная конструкция, состоящая из причастия или деепричастия и вспомогательного глагола *ağ-/arğ-* ‘идти, становиться’ (‘go, become’) в различных видо-временных формах. Функция конструкции состоит в обозначении «ситуации, которая выглядит, как будто действие главного глагола имеет место, хотя это неверно», при этом «агенса ситуации не обязательно притворяется, что осуществил ее: ложное впечатление может происходить из ошибки, определенных обстоятельств и т. п.». Так, пример (1) имеет следующее пояснение: «Были и другие люди, которые делали работу, или же, возможно, Мурад ничего не сделал, однако у всех возникло ложное ощущение, что вся работа была сделана им» (Sumbatova & Mutalov 2003: 111).

- (1) *murad-il ʒaʰči baʳqʰ-ib-li ağ-ur-cab*
 Murad-ERG work [N]do:PFV-PRET-CVB go:PFV-PRET-PRS[N]
 ‘It looks as if Murad did the whole job’. (Sumbatova & Mutalov 2003: 111)

Очевидно, что в конкретных языках значение «притворства» может выражаться конструкциями самого разного типа — это могут быть как специальные лексические единицы (матричные предикаты с сентенциальными актантами), так и грамматические конструкции

с вспомогательными глаголами более общей семантики или даже специализированные «претенсивные» аффиксы или клитики. Такие конструкции, в свою очередь, могут включать или не включать симулятивные/симулятивные показатели типа ‘как’, ‘будто’, ‘подобно’. Более того, конструкций «притворства» в одном языке вполне может быть несколько: например, в русском мы уже упоминали три лексических единицы, выражающих соответствующее значение, причем у каждой из них имеется более одной модели управления, в том числе с валентностью на ситуацию, объект или признак¹.

У нас нет никаких априорных ожиданий относительно того, как значение «притворства» будет выражаться в языках нахско-дагестанской семьи — выявление возможных стратегий как раз и является нашей задачей. При этом в рамках текущего пилотного исследования мы рассматриваем только один тип: это конструкция ‘сделать вид, что’ с сентенциальным актантом, описывающим «изображаемую ситуацию» и выраженным непереходной клаузой, при совпадении «субъекта притворства» с субъектом изображаемой ситуации.

3. Наши данные: одно предложение, шестнадцать языков

При глубоком изучении конструкций со значением «притворства» на материале нахско-дагестанских языков имело бы смысл привлечь к рассмотрению всю совокупность возможных источников данных. Сюда относятся как грамматические очерки соответствующих языков, так и словари, корпуса текстов и перевод заданных предложений (контекстов типологической анкеты) носителями языков. Для нашего пилотного исследования мы выбрали другой путь, а именно использование своего рода «параллельного корпуса», в котором имеется интересующий нас контекст со значением ‘сделать вид, что’, представленный в переводах на несколько языков.

---

¹ Ср. предикаты с сентенциальными актантами *притвориться / прикинуться / сделать вид, что / будто* (например, *Петя притворился, что не узнал Машу*) vs. предикаты с дополнением, выраженным именной группой в творительном падеже *притвориться / прикинуться кем-либо / чем-либо* (например, *Петя притворился Колей*) vs. предикаты с дополнением, выраженным прилагательным или причастием в творительном падеже *притвориться / прикинуться каким-либо* (например, *Петя притворился веселым*).

Использование параллельных корпусов в типологии имеет уже относительно длительную историю (ср. ранний обзор (Cysouw & Wälchli 2007)) и на сегодня представлено как минимум десятками работ. В случае привлечения особенно большого количества языков в подобных исследованиях могут использоваться как переводы классических произведений мировой литературы (в том числе детской, например, «Маленького принца» Сент-Экзюпери или «Гарри Поттера» Роулинг), так и официальные документы (ООН, ЮНЕСКО или Европарламента) или же субтитры к фильмам и телесериалам. Библия играет в исследованиях на основе параллельных корпусов не последнюю роль, будучи, вероятно, «самой переводимой» книгой в истории. Так, на библейских переводах основаны типологические исследования семантики основных глаголов движения (Wälchli & Cysouw 2012), парных слов (Wälchli 2005), категории перфекта и ямитива (Dahl & Wälchli 2016) и пр.

К сожалению, метод параллельных корпусов не так просто применить к языкам нахско-дагестанской семьи, на многих из которых письменность используется лишь ограниченно: трудно назвать хотя бы несколько произведений мировой литературы, переведенных на значительное число этих языков. Как ни странно, именно текст Библии является здесь исключением: благодаря деятельности российского Института перевода Библии за последние 20–30 лет на целый ряд нахско-дагестанских языков была переведена одна или несколько книг Библии (для некоторых крупных языков стал доступен полный перевод Нового Завета). В некоторых случаях перевод библейской книги становился первым или же самым объемным произведением, опубликованном на данном языке. Наиболее часто переводимым из всех книг Библии оказалось Евангелие от Луки: оно по состоянию на начало 2021 года имеется в переводе на 12 языков. Еще на один язык, удинский, Четвероевангелие было переведено в конце XIX века, а в начале XXI века современный перевод трех библейских книг был выполнен при участии переводческой компании *Ufuq-S*.

Выбор именно библейских текстов для лингвистического анализа может показаться неожиданным применительно к нахско-дагестанским языкам — помимо того, что Библия представляет собой переводной, а не оригинальный, текст, она не является традиционным компонентом культуры носителей этих языков (за исключением удин). Тем не менее, помимо доступности на наибольшем числе

языков семьи, о чем уже было сказано выше, библейские переводы обладают еще одним достоинством. В отличие от переводов художественной литературы, над каждым из которых, как правило, трудится один переводчик, в процесс библейского перевода вовлечена целая группа переводчиков и редакторов, а сам перевод проходит ряд стадий проверки и апробации². По словам М. Е. Алексеева, возможность использования библейских переводов для сравнительного анализа обеспечивается «тем, что переводчики (исключая, впрочем, синодальный перевод) ориентировались на передачу смысловой структуры оригинала, не копируя способы ее поверхностной реализации» (Алексеев 2011: 98).

Прецеденты использования библейских переводов на нахско-дагестанские языки в лингвистических работах уже имеются. Так, именно примеры из удинского перевода Четвероевангелия анализируются в статье (Гигинейшвили 1959), посвященной противопоставлению двух основных форм прошедшего времени, и в недавней работе (Girpert 2011) о структуре удинских относительных предложений; ср. также исследование употреблений перфекта в удинском языке на материале современного перевода книг Руфь, Ионы и Евангелия от Луки (Майсак 2013; 2014). Ряд примеров сопоставительных исследований на материале нахско-дагестанских языков, с одной стороны, и русского и некоторых европейских языков, — с другой, рассмотрены в книге (Алексеев 2011: 98–144). Настоящая работа продолжает это направление, привлекая, однако, значительно большее число языков, чем это делалось ранее.

Как уже говорилось выше, интересующее нас значение ‘сделать вид, что’ фигурирует во второй части стиха Лк. 24:28 (современный перевод РБО: *Иисус сделал вид, что хочет идти дальше*, ср. синодальный перевод: *...и Он показывал им вид, что хочет идти далее*). Для нашего исследования мы взяли все переводы этого фрагмента на языках, для которых доступен текст Евангелия от Луки.

В таблице 1 перечислены языки нашей выборки: это 13 языков нахско-дагестанской семьи и 3 тюркских языка. Среди нахско-дагестанских языков представлены, хотя и неравномерно, все основ-

---

² О современных стандартах организации процедуры перевода Библии см., в частности, (де Ваард, Найда 1998: 228–253), об особенностях библейского перевода на языки России см. (Алексеев 2011: 74–92).

ные группы; единственным значимым исключением является отсутствие хиналугского, представляющего собой отдельную ветвь семьи. Определенный «перекос» наблюдается в области лезгинских языков: из девяти языков группы в выборку вошло шесть, что обусловлено тем, что все они являются письменными (что, к сожалению, неверно для большинства даргинских, андийских и цезских идиомов). При том, что языков в нахско-дагестанской выборке тринадцать, переводов привлечено к рассмотрению больше, пятнадцать. Связано это с тем, что для удинского языка доступно три перевода Евангелия от Луки, один конца XIX века (варташенский диалект) и два — начала XXI века (оба представляют ниджский диалект). Тюркские языки, как указывалось выше, были выбраны по ареальному принципу: все они представлены в Республике Дагестан, поэтому их данные представляют интерес в свете возможного контактного влияния (в том числе и на конструкцию с «предикатом притворства»).

В таблице 2 приведены те фразы, которые мы проанализировали, в алфавитном порядке языков. В случае, если интересующая нас часть входила в сложное предложение (ср. в русском переводе РБО: *Когда они подошли к деревне, куда держали путь, Иисус сделал вид, что хочет идти дальше*), мы оставляли для анализа только вторую часть.

Таблица 1. Языковая выборка

Нахско-дагестанская семья	Лезгинская группа:
<i>Нахская группа:</i>	лезгинский
ингушский	табасаранский
чеченский	агульский
<i>Даргинская группа:</i>	ругульский
литературный даргинский	цахурский
<i>Лакский язык</i>	удинский (три перевода)
<i>Аваро-андийская группа:</i>	
аварский	Тюркская семья
андийский	азербайджанский
<i>Цезская группа:</i>	кумыкский
бежтинский	ногайский

Таблица 2. Языковые данные

Язык	Перевод
аварский	<i>Жив дагъавги цевехун ине кколеб ххвел гъабуна гъес.</i>
агульский	<i>Исайи Уч хъара гисаас тич ушуна ккандеяф суман акъуная.</i>
азербайджанский	<i>...вә О Өзүнү елә көстәрди ки, куја јолуна давам етмәк истәјир.</i>
андийский	<i>Жив кольило седи вулинну вуккуддягъодду ххвел игъидду гъошди.</i>
бежтинский	<i>Иса эченоцлече э^нкъецаc хел ббйо.</i>
даргинский	<i>Гписани вашес дигусиладариб.</i>
ингушский	<i>Ийсас Ше дахо водаш хилара кеп оттайир.</i>
кумыкский	<i>...ва Иса Обзю дагъы да ари гетме сюегенде йимик гёрюне.</i>
лакский	<i>Эсал, чПарах увккуну, гихунай ачай мишан дурну дур.</i>
лезгинский	<i>Исади Вич гъа хуърелай анихъ физвайди хъиз къалурна.</i>
ногайский	<i>Иса йолын бардыргандай этти.</i>
рутульский	<i>ГъИасара джуды рахъИне хълугълус йигадбишдыбыр гыгъыри.</i>
табасаранский	<i>Исайи Чаз дилинтина гъягъюз ккунди айиганси улупури гъахъну.</i>
удинский (варт.)	<i>ваъ Шетин аклеснестIай шотIгъо нишIан, те бутIлукъса тайсун тIечъо.</i>
удинский (нидж.)	<i>İsusen İçu iz yaq'a davam bala amdar k'inək'e taşeri.</i>
удинский (нидж.)	<i>İsusen İçu t'etəre taşeri ki, güvə hələ t'et'iinal t'ağay tağale.</i>
цахурский	<i>Мангъеве манбишылхъа агагъ гъагъа ки, гуя мани хивылер шахъана мана алгъаал ворна.</i>
чеченский	<i>Ийсас Ша кхин а дIаваха воллу сурт хIоттийра.</i>

4. Анализ конструкций: лексика и грамматика

В данном разделе описывается структура предложений, передающих значение 'сделал вид, что' в языках нашей выборки; для большей компактности изложения и проведения предварительного сравнения языки объединены в генеалогические группы. Порядок изложения принят следующий: аваро-андийские и цезские языки,

нахские языки, лакский и даргинский, восточнолезгинские, западнолезгинские, удинский язык, тюрские языки.

Исходная строка оригинала оставлена без изменений, не считая разбиения на морфемы; добавлена строка глоссирования и буквальный перевод. После примера следует краткая характеристика его структуры и, при необходимости, другие комментарии. Хотя выявление того, как значение ‘сделать вид, что’ выражается в соответствующем языке по данным других источников (грамматик, словарей), не входило в нашу задачу, в некоторых случаях эта информация добавлена для лучшего понимания структуры анализируемой фразы.

4.1. Аваро-андийские и цезские языки

В трех языках из этих групп, вошедших в выборку, используются две разные конструкции: главным предикатом во всех случаях является сложный глагол ‘притворяться’ («притворство делать»), а зависимой клаузой может быть либо причастное определение к существительному ‘притворство’, либо финитный комплемент с кватативным показателем. В андийском и бежтинском существительное ‘притворство’, которое входит в состав сложного глагола, по всей видимости, заимствовано из аварского.

АВАРСКИЙ

- (2) *Жи-в дагъа-в=ги це<в>ехун ине кк-ол-е-б*
 сам-М[ABS] еще-М=ADD вперед<М> идти.INF случаться-PRS-PTCP-N
ххвел гъабу-на гье-с.
 притворство[ABS] делать-AOR этот-ERG.M
 букв. «(что) Он должен идти дальше вперед, Он притворился»

Предикат главной клаузы — *ххвел гъабуна* ‘притворился’ с субъектом-агенсом в эргативе. Существительное *ххвел* ‘притворство’ имеет препозитивное определение, возглавляемое причастием настоящего времени *кколеб*, т. е. структуру предложения можно передать как «он сделал [[он дальше вперед идти долженствующее] притворство]». Иначе, причастную клаузу можно рассматривать как реализующую сентенциальный актанта: «он притворился, [что он должен идти дальше]»; этот анализ кажется нам менее удачным, но в настоящее время мы не располагаем аргументами для его исключения. Конструкция с глаголом *кквезе* ‘оказываться, случаться, становиться’

и инфинитивом имеет значение необходимости. Кореферентный субъекту главной клаузы *гъес* субъект зависимой *жив* выражен простым рефлексивным местоимением в форме абсолютива — в целом, употребление рефлексивов в составе зависимых клауз характерно для нахско-дагестанских языков (ср. (Тестелец, Толдова 1998)), и ниже мы увидим ту же стратегию в большинстве примеров.

Существительное *ххвел* отмечается в словаре (Гимбатов 2006: 745) со значением ‘притворство, симуляция’, ср. его там же как компонент сложного глагола *ххвел гъабизе* ‘притворяться, притвориться; делать вид’ (приводимый пример *бихьичлѣб-рагӀичлѣб ххвел гъабизе* ‘делать вид, что не видел и не слышал’ также включает препозитивную причастную клаузу «невидимое-неслышимое»). Аналогично толкование в словаре андалальского диалекта (Саидова 2019: 478), ср. существительное *ххвел* ‘притворство, симуляция’, сложный глагол *ххвел гъубуде* ‘притворяться, делать вид’, пример использования *рагӀчлѣб ххвел гъубуде* ‘делать вид, что не слышал’ («неслышимое притворство делать»).

Андийский

- (3) *Жи-в колъи=ло седи в-улин-ну*
 сам-М[ABS] немного=ADD вперед М-уходить-INF
в-укку-дя=гъодду ххвел игъи-дду гъо-ш-ди.
 М-должен-FUT=QUOT притворство[ABS] делать-PRF этот-OBL.М-ERG
 букв. «(что) Он должен идти дальше вперед, мол, Он притворился»

Конструкция почти тождественна аварской: сложный предикат *ххвел игъидду* ‘притворился’ («притворство сделал») с эргативным субъектом и препозитивной зависимой клаузой, субъект которой выражен рефлексивом. Отличие состоит в том, что зависимая клауза оформлена кватативным показателем =*гъодду*, обычно используемым для передачи речи (на правой границе цитаты). Предикат зависимой клаузы *вуккудя*³ имеет финитную форму футурума, которая характерна для модальных глаголов, выражающих состояние в настоящем.

Компонент сложного глагола ‘притворяться’ *ххвел* не удалось найти в доступных источниках по андийской лексике, за исключением диссертации Я. Г. Сулейманова, который упоминает фонетическое соответствие андийского /о/ в рикванинском говоре аварскому /ве/, приводя пример *ххол* ‘притворство, вид’ ~ *ххвел*; в другом месте ра-

³ В оригинале опечатка: *вуккуддя*.

боты автор упоминает существительное *ххол* ‘внимание’ (Сулейманов 1957: 51, 108). В переводе Евангелия от Луки это слово имеет вид *ххвел*, тождественный аварскому; правда, сам перевод ориентирован скорее на собственно андийский говор, хотя в нем встречаются и элементы других говоров (рикванинского, гагатлинского).

БЕЖТИНСКИЙ

(4) *Иса эченоцI-ечIе*

Иисус[ABS] 1.останавливаться-CVB.PST.NEG

э^hкье-ца-с

хел

б-б̄-йо.

1.уходить-PTCP.PRS-ATTR.ABS притворство[ABS] 3-делать-AOR

букв. «Иисус, не остановившись, уходящее притворство сделал»

Конструкция также близка к аварской: предикат *хел б̄йо* ‘притворился’ («притворство сделал») с согласованием глагола ‘делать’ по 3-му классу с объектом *хел*. Препозитивная причастная клауза ‘Иисус не останавливаясь уходящее’ является определением к *хел* ‘притворство’. Эргативный субъект в главной клаузе не выражен, а в зависимой выражен полной именной группой *Иса* в абсолютиве.

Существительно *хел* ‘притворство’ (3-го класса) и глагол *хел бо-вал* ‘притворяться’ отмечены в словаре (Халилов 2015: 449). В грамматике *хел* упоминается среди аваризмов и приводится для иллюстрации соответствия аварского /хх/ бежтинскому /х/: *ххвел* ~ *хел* (Комри и др. 2015: 192).

4.2. Нахские языки

В обоих языках, попавших в нашу выборку, структура переводного предложения почти одинакова: использовано сочетание «сделать вид» (с разными словами, обозначающими ‘вид’) и зависимая клауза, которая является препозитивным определением к имени ‘вид’.

ИНГУШСКИЙ

(5) *Иийса-с Ше дIахо в-ода-и хила-р-а*

Иисус-ERG сам[ABS] дальше М-идти.IPFV-CVB быть-MSD-GEN

кеп

отта-йи-р.

форма[ABS] стоять-CAUS.J-WPST

букв. «Иисус сделал Он дальше идущий вид»

В главной клаузе употреблен сложный глагол ‘сделать вид’, сочетание полнозначного глагола ‘класть, ставить’ (каузатива от ‘стоять’) с объектом *кеп* ‘форма, вид’ (тюркское заимствование). Каузативный суффикс, исходно представляющий собой глагол ‘делать’, согласуется по роду с объектом *кеп*. Субъект-агенса при главном предикате выражен эргативом *Иийсас* ‘Иисус’. Зависимая клауза номинализована и выступает в качестве определения имени *кеп*: ее предикат *водаш хилара* представляет собой аналитический презенс (имперфективное деепричастие + вспомогательный глагол) с вспомогательным глаголом в форме отглагольного имени (масдара). Субъект зависимой клаузы *Ше* кореферентен субъекту главной и выражен рефлексивным местоимением в абсолютиве, согласование в глаголе (мужской класс) контролируется абсолютивной именной группой.

В данном примере масдарная клауза, определяющая вершину ‘форма, вид’, выступает в генитиве. Конструкция *кеп ottaju* (‘pretend’, lit. ‘make semblance, pose the appearance’) упоминается также в грамматике (Nichols 2011: 371), однако зависимая клауза в приводимом там примере содержит немаркированную форму масдара (абсолютив).

ЧЕЧЕНСКИЙ

- (6) *Иийса-с Ша кхин а дIа-в-ах-а*
 Иисус-ERG сам[ABS] еще ADD PV-M-уходить-INF
в-олл-у сурт хIомт-ий-ра.
 М-находиться-PTCP.PRS образ.J[ABS] стоять-CAUS.J-WPST
 букв. «Иисус сделал Он дальше собирающийся идти вид»

Структура чеченского предложения аналогична структуре ингушского: главный предикат ‘сделать вид’ выражен сочетанием глагола ‘класть, ставить’ (каузатив от ‘стоять’) и имени в абсолютиве *сурт* ‘рисунок, портрет, облик, внешний вид’ — это тоже заимствование, но на этот раз арабизм, широко распространенный в восточнокавказских языках. Сочетание *сурт хIомтō* со значением ‘а) сделать вид; б) представить, вообразить себе’ отмечается в словаре (Алироев 2005: 224).

Субъект главного предложения — эргативная именная группа *Иийсас* ‘Иисус’. Зависимая клауза является причастным определением к имени *сурт*. В отличие от ингушского примера, здесь аналитическая форма *дIаваха воллу* в зависимой клаузе представляет собой не

презенс, а форму намерения — сочетание инфинитива смыслового глагола с вспомогательным глаголом ‘собираться’ (ср. описание данной конструкции в (Халидов 2004: 45, 85 и др.)). Исходное значение глагола *далла* (с префиксальным классно-числовым показателем) — ‘заклучаться, содержаться, находиться в чем-л.’ (Алироев 2005: 66).

Таким образом, близко к тексту перевод данного фрагмента из Лк. 24:28 можно передать как «Иисус сделал вид, что Он собирается идти дальше».

4.3. Лакский и даргинский языки

В лакском и даргинском языках в интересующих нас переводах используются совершенно разные конструкции, при этом в обоих случаях речь может идти о специализированных грамматических средствах выражения «притворства».

ЛАКСКИЙ

- (7) *Эса-л, чIарах увкку-ну,*
 Иисус-ERG мимо 1.выходить.PFV-CVB
гихунай ач-ай мишан-дур-ну д-ур.
 дальше уходить-PTCP.PRS <притворяться>-4.делать.PFV-CVB 4-COP
 букв. «Иисус, пройдя мимо, притворился идущим дальше»

Общая структура предложения такова: субъект-агенса в эргативе *Эсал* ‘Иисус’ и переходный предикат *мишандурну дур* ‘притворился, что’ в аналитической форме перфекта/результатива, имеющий препозитивный деепричастный сентенциальный актанта *гихунай ачай* ‘уходящий дальше’; кроме того, главная клауза модифицирована деепричастной обстоятельственной клаузой *чIарах увккуну* ‘пройдя мимо’. В данной конструкции непонятен статус главного предиката, а именно сочетания *мишан* + глагол *дан* ‘делать’. Хотя это сочетание выглядит как сложный глагол, в качестве самостоятельного лексического входа оно не приводится в лакско-русском словаре (Хайдаков 1962). В русско-лакском словаре *мишан дан* фигурирует в качестве переводного эквивалента для глаголов *прикинуться* и *притвориться*, причем в словарном входе *притвориться* этот глагол записан с начальным дефисом (*-мишан дан*), а в приводимом там примере — слитно с предшествующим словом (*къашаймишан дан* ‘притвориться

большим') (Джидалаев 1994: 620, 631). Аналогично слитно с предшествующим словом компонент *-мишан* записан в словарной статье *юродствовать* как один из переводных эквивалентов, ср. *авдалмишан руллан* (Джидалаев 1994: 917). Впрочем, в других источниках встречается и раздельное написание, ср. пример из художественной литературы *Нагу... уссара шанаша мишан дурну* 'И я (...) притворялся спящим' в (Казенин 2013: 307).

Как можно предварительно заключить, сочетание *мишан дан* со вторым компонентом — глаголом *дан* 'делать' представляет собой не столько сложный глагол, сколько особую конструкцию со значением «притворства», в которой 'делать' принимает сентенциальный актант, вводимый показателем *-мишан* (который, в свою очередь, является слабоавтономной единицей типа суффикса или энклитики). Этот показатель может примыкать к существительному (ср. *авдал* 'юродивый' в примере выше) либо форме презентного деепричастия (ср. *ачай* 'идуший', *къашай* 'больной, букв. не могущий', *шанаша* 'спящий' в примерах выше). Что касается этимологии показателя *мишан*, то она неизвестна, хотя нельзя не отметить сходства с существительным *ишан* 'знак, сигнал, прицел' (ср. также *лишан* 'знак, признак'), распространенным персидским заимствованием в языках Дагестана. Так или иначе, *мишан* не является обычным симилиативным показателем, который в лакском выглядит как *-куна*. В глоссах мы условно заключаем перевод «притворяться» в угловые скобки, хотя, возможно, *мишан* следовало бы обозначить и грамматическим ярлыком.

ДАРГИНСКИЙ

(8) *Гиса-ни в-аш-ес диг-уси-ла-дар-иб.*

Иисус-ERG м-идти.IPFV-INF хотеть.IPFV-PTCP-GEN-делать.PFV-PRET
букв. «Иисус сделал вид, что хочет идти»

Перевод интересующего нас фрагмента из Лк. 24:28 на даргинский литературный язык является наиболее лаконичным из всех и состоит всего лишь из трех слов: агентивного субъекта 'Иисус' в эргативе, сентенциального актанта, выраженного инфинитивной клаузой 'идти' (с согласованием по мужскому роду), и финитного предиката в форме аориста 'сделал вид, что хочет'. Интерес представляет прежде всего структура финитного предиката, в котором вычленяются компоненты *дигусила* (форма генитива от имперфективного

причастия глагола ‘хотеть’) и *-дариб* (претерит глагола ‘делать’); глагол ‘делать’ в составе данной формы следует, вероятно, считать морфологизованным «легким», или вспомогательным, глаголом.

Конструкция «имперфективное причастие в генитиве + ‘делать’» со значением ‘притвориться, сделать вид’ является продуктивной и, в частности, встречается в ряде словарных входов словаря (Юсупов 2017), ср. (в форме перфективного инфинитива) *балусиладарес* ‘прикинуться знающим, сделать вид знающего, разумеющего’, *бусусиладарес* ‘притвориться спящим’, *дигусиладарес* ‘сделать вид, что нравится, что любит’, *изусиладарес* ‘прикинуться больным, симулировать болезнь’ и пр. Образуется она и от прилагательных и существительных (также в форме генитива), ср. *ахлахладарес* ‘притвориться, прикинуться дурачком’ (< *ахлах* ‘дурак’), *гянцисиладарес* ‘притвориться глухим’ (< *гянциси* ‘глухой’), *кепсиладарес* ‘сделать вид пьяного, уподобиться пьяному’ (< *кепси* ‘пьяный’). Заметим, что в глаголах с префиксальным классно-числовым показателем согласование сохраняется (ср. для *б-алусиладарес* формы других классов *в-алусиладарес*, *р-алусиладарес*, мн.ч. *д-алусиладарес*). Между тем, в компоненте *-дарес* бывший классно-числовой показатель множественного числа *д-* является в составе данной конструкции неизменяемым (ср. формы перфективного инфинитива глагола ‘делать’: *в-арес*, *б-арес*, *р-арес*, мн.ч. *д-арес*).

Хельма ван ден Берг среди глаголов с «исключительными» моделями управления упоминает глагол *гьердар* (*гьердар*) ‘притворяться’ с эргативным субъектом и генитивным объектом (van den Berg 2001: 58, 322). В словарях этот глагол толкуется как ‘1) прикинуться, притвориться, представиться, подделаться; скопировать; 2) передразнить’ (Юсупов 2017), ‘1) повести за собой, вслед; 2) скопировать (*повторить, воспроизвести, подражая кому-чему-л.*)’ (Абдуллаев 2017). Образован глагол от основы ‘делать’ при помощи локативного преверба *гле-* ‘за’ с последующим показателем, указывающим на удаление (т. е. в целом значение сложного преверба — ‘из расположения сзади’). Таким образом, наряду с чисто лексическим выражением семантики «притворства» в даргинском существует и морфологизованная конструкция с генитивом причастия/прилагательного и глаголом ‘делать’, выражающая то же значение; именно эта вторая конструкция была использована в переводе Лк. 24:28.

4.4. Лезгинские языки: восточнолезгинские

Начнем рассмотрение данных лезгинских языков с трех языков восточнолезгинской подгруппы, которые проявляют частичную общность и в оформлении интересующей нас конструкции: в частности, во всех трех языках зависимая клауза маркирована симилиативным показателем сравнения ‘как, словно’.

ЛЕЗГИНСКИЙ

- (9) *Иса.ди Вич гьа хуьр.е-лай анихъ*
 Иисус(ERG) сам[ABS] тот село-SUP.EL по_ту_сторону
фи-зва-й-ди хьиз кьалур-на.
 уходить-PRS-PTCP-SUBST словно показывать-AOR
 букв. «Иисус, (что) Он за то село идущий словно, показал»

Предикатом данного предложения является переходный глагол *кьалурна* ‘показал, изобразил’, имеющий субъект в эргативе. Всю остальную часть предложения можно считать зависимым при главной клаузе *Исади ... кьалурна* ‘Иисус показал’. Зависимая клауза вводится показателем симилиативного сравнения *хьиз* ‘как, словно’, которому предшествует именная группа «Сам дальше за то село идущий»: форма причастия настоящего времени *физвай* субстантивирована и выступает в форме абсолютива, субъект при глаголе ‘идти, уходить’ выражен рефлексивом *Вич*, также в форме абсолютива.

Описывая адвербиальный сравнительный показатель *хьиз* ‘как, словно’, Мартин Хаспельмат упоминает, что при бытийном предикате или глаголе ‘видеть’ конструкция с этим показателем передает значение ‘кажется, будто’ или ‘выглядит, будто’ (Haspelmath 1993: 438). Пример (9) из перевода Лк. 24:28 можно считать разновидностью этой («симулятивной», в современной терминологии) конструкции, только вместо глагола ‘видеть, казаться’ использован агентивный глагол ‘показывать’. При глаголе ‘делать’ конструкция имеет значение ‘притворяться’, ср. пример (10), иллюстрирующий последний случай (букв. «Саидов сделал, словно сам не видевший»).

- (10) *Saidov.a wiči-z t-akwa-zwa-j-di xiz awu-na.*
 Saidov(ERG) [self-DAT NEG-see-PRS-PTCP-SUBST] like do-AOR
 ‘Saidov pretended that he did not see [it].’ (Haspelmath 1993: 438)
 ‘Саидов притворился, что он не видел (этого)’.

ТАБАСАРАНСКИЙ

- (11) *Иса.йи Ча-з дилин-тина гъагъю-з ккун-ди*
 Иисус(ERG) сам-DAT оттуда-туда 1.уходить-INF хотеть-CVB
а-йи-ган-си улупу-ри гъахъ-ну
 1Н.быть-PTCP-TEMP-словно показывать.IPFV-CVB стать.PFV-AOR
 букв. «Иисус, (что) Он хочет туда дальше идти словно, показал»

Здесь главным предложением также является переходная клауза *Исайи ... улупури гъахъну* ‘Иисус показал/показывал’ (исключение состоит только в том, что использована аналитическая форма). Между субъектом и предикатом вложена зависимая клауза, на правой границе которой также находится показатель симилятивного сравнения. Зависимая клауза устроена иначе, чем в лезгинском, и может быть переведена как «когда Он хотел пойти туда дальше». Субъект при глаголе ‘хотеть’ имеет форму датива и выражен рефлексивным местоимением. Аналитическая форма глагола ‘хотеть’ (деепричастие + вспомогательный глагол ‘быть, находиться внутри’) сопровождается темпоральным показателем *-ган*, образующим деепричастия со значением ‘когда’ (ср. *гъафи-ган* ‘когда пришел’), а также наречия времени (ср. *хябхъ-ган* ‘вечером’).

Значение сочетания темпоральной формы с симилятивной частицей можно буквально представить как ‘как (тогда,) когда хотел’. В качестве особого средства выражения сравнения на клаузальном уровне («симилятивного конверба») форма на *ганси* рассматривается в работе (Babaliyeva 2013: 247–248, 305–306): как отмечает автор, в данном сочетании бывший конверб на *-ган* «теряет свое темпоральное значение».

АГУЛЬСКИЙ

- (12) *Иса.йи Уч хъара гисаас тич ушу-на*
 Иисус(ERG) сам[ABS] еще оттуда туда уходить.PFV-CVB
кканде-я-ф суман акъу-ная.
 нужно-PTCP-SUBST[ABS] словно делать.PFV-PRF
 букв. «Иисус, (что) Ему нужно туда дальше идти словно, показал»

Предложение по общей структуре сходно с лезгинским и табасаранским: главное предложение — *Исайи ... акъуная* ‘Иисус сделал’, внутри него находится зависимое, представляющее собой субстантивированную причастную клаузу с показателем симилятивного

сравнения. Отличие состоит в том, что в качестве главного предиката здесь выступает не глагол ‘показать’ — использована конструкция с глаголом ‘делать’, которая для лезгинского отмечается как выражающая значение ‘притворяться’ (буквально ее структуру можно передать как «сделал как тот, которому нужно идти дальше»). Глагол ‘любить, хотеть, быть нужным’ в данном случае выступает именно в значении необходимости, на что указывает выбор компонента с вершиной в форме перфективного деепричастия *ушуна* (в значении ‘хотеть’ комплемент оформлялся бы инфинитивом).

4.5. Лезгинские языки: западнолезгинские

Обратимся теперь к данным западной подгруппы лезгинских языков, в которую входят рутульский и цахурский. В имеющихся переводах фразы в этих языках использованы совершенно различные конструкции: структура цахурского предложения стоит ближе к тому, что мы увидим в удинском и азербайджанском языках.

РУТУЛЬСКИЙ

(13) *ГьЛаса-ра джу-ды рахъI-не хъI-угълу-с*

Иисус-ERG I.сам-ATTR дорога-ADV RE-уходить-INF

йига-д-биш-ды-быр гьыгы-р-и.

хотеть.IPFV-ATTR-OBL.NPL-ATTR-PL[ABS] NPL.делать.PFV-CVB-COP

букв. «Иисус своей дорогой пойти желающие сделал»

Структура этого предложения на первый взгляд стандартна: субъект-агента *ГьЛасара* ‘Иисус’ в эргативе, «тяжелая» пациентивная именная группа во множественном числе, переходный предикат *гьыгыри* ‘сделал’ в аналитической (но морфологизованной) форме аориста. Нетривиальной кажется собственно пациентивная именная группа, а точнее ее вершина. Она представляет собой субстантивированную форму имперфективного причастия *йигад* глагола ‘хотеть’ (атрибутивный показатель *-д/-ды* обязателен на причастии, как и на ряде других определений, ср. форму рефлексива *джу-ды* ‘свой, его’). Этот глагол имеет комплемент, возглавляемый инфинитивом. Атрибутивная форма рефлексива *джуды* является определением к ‘дороге’ (‘своей дорогой пойти’). Глагол *гьыгыри* имеет «нулевой» классно-числовой показатель, т. е. потенциально может иметь в качестве контролера согласования именную группу 1-го (мужского) или 4-го

(неодушевленного) класса единственного числа либо 3-4 (неличных) классов множественного числа; в данном случае контролером может быть только форма *йигадбишдыбыр*, которая, тем самым, имеет признак множественного числа неличного класса⁴.

Морфологическая структура причастной формы такова: *йига-* — это основа глагола желания, *йига-д* — это атрибутивная форма этого глагола (традиционно называемая причастием), с ней совпадает и субстантивированная форма абсолютива единственного числа ‘желающий, желаемый’. Абсолютив множественного числа причастия выглядел бы как *йига-д-быр* ‘желающие, желаемые’, косвенная же основа множественного числа имеет вид *йига-д-биш-*. В атрибутивном склонении противопоставлены косвенная основа множественного числа личных и неличных референтов, и *-биш-* является именно показателем «личной» косвенной основы (т. е. мужского либо женского класса). Таким образом, референт *йига-д-биш-* — это ‘те, кто хотят’ (а не, например, ‘те объекты желания’: суффикс «неличной» косвенной основы имел бы вид *-мы-*, а не *-биш-*). Далее, *йигадбиш-ды* — это атрибутивная форма от *йигадбыр* ‘желающие’, т. е. ‘тот, который относится к желающим’, а *йигадбишды-быр* — это субстантивированная форма множественного числа от этой атрибутивной формы, т. е. ‘те, которые относятся к желающим’. Как видно по согласованию с глаголом ‘делать’, референт *йигадбишдыбыр* является неличным, т. е. это ‘те (объекты, вещи), которые относятся к желающим (людям)’.

Атрибутивную форму множественного числа «личного» класса от причастия можно встретить в текстах, она имеет стандартное значение ‘относящийся к тем, что осуществляет действие’. Ср. выражение «главный из собирающих дань», используемое в переводе Евангелия от Луки для обозначения главного сборщика податей (14): здесь форма сложного глагола *ягъмиш гъаьдбишды* буквально означает ‘относящийся к тем (людям), кто собирает’.

- (14) *кире*   *ягъмиш гъаьд-д-биш-ды*   *къухь-ды*
 плата[ABS] собирать 4.делать.PFV-ATTR-OBL.NPL-ATTR старший-ATTR[ABS]
 {В городе был человек по имени Закхей,} ‘главный сборщик
 податей...’ (Лк. 19:2)

⁴ Заметим, что в даргинской конструкции «окаменевший» классный показатель в глаголе ‘делать’ также содержит классно-числовой показатель множественного числа, хотя контролер согласования в конструкции отсутствует.

Форма причастия множественного числа на *-бишды-быр* не встретилась нам вне контекста «притворства». В русско-рутульском словаре, при отсутствии словарных входов для *притворяться* или *прикидываться*, для одного из значений глагола *корчить* приводится пример (15), в котором мы видим ту же конструкцию, что в (13) выше (букв. «делает он хорошо языки знающие»). Встречается она и в текстах на рутульском языке с тем же значением ‘притворился, сделал вид’.

- (15) *джу-с йых-ана чIел-быр*
 I.сам-DAT хороший-ADV язык-PL[ABS]
гъацIа-д-биш-ды-быр гъаъа-р-а
 NPL.знать.IPFV-ATTR-OBL.NPL-ATTR-PL[ABS] NPL.делать.IPFV-CVB-BE
 ‘{корчи}ть из себя знатока языка’ (Исмаилова 2011: 135)

Таким образом, относительно рутульской «конструкции притворства» *-бишдыбыр гъаъас* с глаголом ‘делать’ и субстантивированным множественным числом атрибутива от (субстантивированного же) причастия «личного» класса можно утверждать, что мы в данном случае имеем дело именно с особой, идиоматизированной «конструкцией», в рамках которой использование соответствующей формы зависимого глагола не является синхронно прозрачным. Вероятно, исходную структуру конструкции можно реконструировать как «X делает вещи, относящиеся к (или: подобные) тому, что делают участники ситуации P».

ЦАХУРСКИЙ

- (16) *Ма-н-гъв-е ма-н-бишы-л-хъа агаъ*
 тот-ATTR-OBL.M-ERG тот-ATTR-OBL.NPL-SUP-ALL сведущий
гъаъа ки, гуя ма-ни хив.ы-л-е=р ша-хъа
 4.делать.IPFV COMP будто тот-ATTR.OBL село-SUP-EL=ADD.1 там-ALL
ма-на алгъааI во-р-на.
 тот-ATTR[ABS] I.уходить.IPFV COP-1-ATTR
 букв. «Он им сообщил, что якобы из того села туда он идет»

Цахурский перевод отличается от всех рассмотренных ранее вариантов в ряде отношений. Прежде всего, синтаксический акт оформлен здесь не по типичной «дагестанской» стратегии с использованием нефинитных форм, а скорее по «индоевропейской» модели — с использованием комплементаризера *ки* (азербайджанское заимство-

вание, исходно из иранских языков), вводящем постпозитивную финитную клаузу. Главный предикат — переходный сложный глагол *агагъ гъаъа* — представляет проблему для анализа. В словаре (Ибрагимов, Нурмамедов 2010: 22) отмечается целых два словарных входа для существительного *агагъ*, один с переводами и примерами «1. Догадка. *Агагъ гъымааъа* Не устраивай догадку. 2. Если. *Агагъ гъу арые* Если ты придешь. 3. Надежда, -ы. *Йизда агагъ валхъа вобна* Мои надежды на тебя // Надеюсь на тебя», другой с переводами и примерами «1. Возможность. *Йизди мей са агагъ гъеэъэ* Ради меня найди возможность. 2. Если. *Агагъ ахыле, айре* Если сможешь, приходи». Сложный глагол *агагъ гъаъас* в словаре не отмечен. Само по себе слово *агагъ* является азербайджанским заимствованием, и в толковании *агаһ* как прилагательного в азербайджанско-русском словаре мы находим значение «1. осведомлённый, сведущий; 2. бдительный; 3. трезвый; 4. предупреждённый о чём-л.», а также сложный глагол *агаһ етмәк (elәмәк) kimi* ‘осведомлять, осведомить кого, дать знать кому’ (например, *агаһ ет бизи* ‘поведай нам’) (Тағйев 2006, I: 48). Вероятно, цахурское *агагъ гъаъас* калькировано именно с азербайджанского *агаһ етмәк* с глаголом ‘делать’ и означает что-то вроде ‘сообщить, дать знать’. Местоимение множественного числа в форме суперлатива *манбишылхъа* выражает адресата сообщения (‘сообщил им’, т. е. ученикам).

После комплементаризера *ки* следует финитная клауза ‘он из того села туда (т. е. дальше) идет’ с аналитической формой дуратива. Обращает на себя внимание, что в начале этой клаузы имеется частица *гъа*. В словаре (Ибрагимов, Нурмамедов 2010) она не отмечается, а ее азербайджанский оригинал *гъауа* является начальной частицей со значением ‘будто, будто бы, как будто’, ср. *Гъауа о тәпә дейиб* ‘будто он говорил (сказал) мне’ (Тағйев 2006, II: 306). Таким образом, именно этот компонент ответствен за «симулятивную» семантику конструкции.

Заметим, что в грамматике (Кибрик, Тестелец 1999: 572) отмечается предикат *аʼmalbi haʼas* ‘притвориться, будто’, букв. «хитрости делать», с эргативным субъектом и сентенциальным актантом, вводимым симулятивной частицей *xinne* ‘как, словно’. Аналогичные сложные глаголы со словом ‘обман, хитрость’ имеются и в некоторых других лезгинских языках (агульском, табасаранском), однако, как и в цахурском, для интересующего нас контекста Лк. 24:28 переводчики предпочли другой вариант.

4.6. Лезгинские языки: удинский

Для удинского языка мы рассмотрим три варианта перевода, в том числе наиболее ранний из сохранившихся, выполненный в конце XIX в.⁵ Для единообразия мы приводим все удинские оригиналы в кириллической транскрипции, которая была использована в словаре (Гукасян 1974) (оригинальное написание для переводов 2011 и 2019 гг. см. в таблице 2; оригинальное написание для перевода 1902 г. не приводится ввиду наличия ряда идиосинкратических транскрипционных знаков).

УДИНСКИЙ, перевод 1902 года

Перевод четырех Евангелий на варташенский диалект удинского языка в последние годы XIX в. выполнил священник из г. Варташен Семен Бежанов при помощи своего брата Михаила Бежанова; он был опубликован в 1902 г. с параллельным русским текстом, см. также обновленное переиздание в латинской транскрипции (Schulze 2001).

(17) *ваъ Ше-тI-ин акI-ес-не-стIа-й шо-тI-гъо*
 и тот-OBL-ERG видеть-INF-3SG-CAUS+PRS-PST тот-OBL-PL.DAT
нишIан, те бу-тIу-къ-са тай-сун тIе-чъо.
 знак[ABS] что хотеть-3SG.DAT-ST-PRS уходить-MSD[ABS] тот-сторона
 букв. «и Он показывал им знак, что хочет идти в ту сторону»

Как и рассмотренное выше цахурское предложение, этот удинский перевод демонстрирует «индевропейскую» стратегию комплементации: главная клауза, комплементайзер *те* и зависимая финитная клауза. В главной клаузе предикатом является переходный глагол *акIес-не-стIа-й* в форме имперфекта (образован от презенса при помощи клитики прошедшего времени *-й*). Этот глагол представляет собой каузатив от *акIес* ‘видеть’: каузативы в удинском строятся по модели сложных глаголов с инфинитивом и «легким глаголом» *-д-* (ср. *акIес* ‘видеть’ > **акIес-д-* ‘показывать’). В форме презенса *акIес-не-стIа* между инфинитивом и легким глаголом располагается

⁵ Перевод Евангелия от Луки с большой долей вероятности мог быть сделан более тысячи лет назад и на агванский (кавказско-албанский) язык, который — с некоторыми оговорками — считается предком удинского, однако в дошедших до нас фрагментах «Синайского палимпсеста», опубликованных в (Girpert et al. 2008), отрывка Лк. 24:28 нет.

личная эндоклитика 3-го л. ед.ч. *-не*; кроме того, сочетание *-д-* и показателя презенса *са* подвергается метатезе (исходная структура имеет вид *акIес-не-д-са).

Зависимая клауза включает финитную форму презенса *бутIукъса* ‘хочет’ — поскольку этот глагол относится к классу экспериенциальных, при нем используется личная эндоклитика 3-го л. ед.ч. *-тIу-* особой «дативной» серии. При глаголе желания субъект не выражен, а комплемент возглавляется формой масдара (отглагольного имени). Таким образом, в целом оба компонента предложения сугубо «индикативны» и не содержат никакого показателя, который бы отвечал за «симулятивность» происходящего. Иными словами, в данном случае никак не подчеркивается, что субъект только «сделал вид», что хочет пойти куда-то: возможно, он действительно собирался идти дальше. В целом перевод Бежановых нередко называют слишком буквально следующим русскому оригиналу (Schulze 2001: 13–28), и данное конкретное место не кажется исключением — ср. синодальный перевод: ...и Он показывал им вид, что хочет идти далее.

УДИНСКИЙ, перевод 2011 года

Два других перевода сделаны в начале XXI века и представляют уже ниджский диалект. Сначала рассмотрим вариант из издания Евангелия от Луки 2011 года.

(18) *Исус-ен Ич-у из йакъ-а давам*

Иисус-ERG сам-DAT сам.GEN дорога-DAT продолжать

б-ала амдар кIинаькI-е ташер-и.

делать-PTCP:IPFV человек[ABS] как-3SG уносить-AOR

букв. «Иисус повел себя, как свой путь продолжающий человек»

Ядром данного предложения является *Исусен Ичу ... ташери*, буквально ‘Иисус повел себя’ (датов в удинском языке — основное средство кодирования определенных пациенсов). Глагол *ташес* имеет значения ‘нести, уносить’ и ‘вести, уводить’, а сама конструкция «вести себя», вероятно, калькирована с азербайджанского *özünü aparmaq* с теми же компонентами либо с русского. «Симулятивное» зависимое при предикате вводится показателем *кIинаькI* ‘как, словно’, следующим за абсолютивной именной группой ‘свой путь продолжающий человек’: компонент сложного глагола *давам* заимствован из азербайджанского, как, возможно, и в целом вся конструкция ‘продолжать свой путь’

(ср. азерб. *yoluna davam etmək*, букв. «в дорогу продолжение делать»). Таким образом, предложение можно перефразировать как «Иисус повел себя как человек, который будет продолжать путь».

УДИНСКИЙ, перевод 2019 года

Обновленный перевод Евангелия от Луки выполнен в рамках текущего проекта по переводу Библии на ниджский диалект компанией *Mozaika-T MMS*. Мы признательны Корине Ван Виллиген за возможность ознакомиться с переводом, который в настоящее время готовится к изданию под эгидой Библейского общества Азербайджана.

(19) *Исус-ен Ич-у мІетаьр-е ташер-и ки,*
 Иисус-ERG сам-DAT так-3SG уносить-AOR COMP
гуйваь гьаьлаь мІетІуин=ал мІагъай тагъ-ал-е.
 будто еще оттуда=ADD туда уходить-FUT-3SG
 букв. «Иисус повел себя так, будто он пойдет еще оттуда туда»

Здесь мы снова видим конструкцию с «индоевропейским» подчинением: главная клауза ‘Иисус повел себя так’, комплементаризер *ки*, с которым мы уже встречались в цахурском примере, и финитная зависимая клауза. *Ки* чрезвычайно частотен в ниджском диалекте и заимствован из азербайджанского (тогда как его аналог *те* в варташенском диалекте — из армянского). В зависимой клаузе нет показателя сравнения, однако снова, как и в цахурском, имеется начальная частица *гуйваь* ‘будто’, заимствованная из азербайджанского (и чуть фонетически измененная). Наконец, выражения типа «оттуда туда» уже также были использованы в ряде из рассмотренных ранее примеров в контексте указания на продолжение пути.

4.7. Тюрские языки

В трех рассмотренных тюркских языках конструкции, использованные в соответствующих переводах предложения, оказались совершенно различными.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ

(20) ...вэ О Өз-ү-нү елэ көстәр-ди ки,
 и он сам-POSS.3-ACC так показывать-PST что

куја јол-у-на давам ет-мэк истә-јур.
 будто дорога-POSS.3-ДАТ продолжение делать-INF хотеть-PRS
 букв. «и Он показал себя так, будто хочет продолжать свой путь»

Структура этого предложения аналогична структуре варташенского удинского (с поправкой на аккузативное падежное кодирование): главное предложение ‘он показал себя так, что’ с комплементаром *ки*, вводящем финитное зависимое ‘будто хочет продолжать свой путь’ (со сложным глаголом ‘продолжать’ = «продолжение делать»). С начальным показателем *гуа* ‘будто’ в зависимой клаузе мы уже встречались в цахурском переводе (16).

КУМЫКСКИЙ

(21) ...*ва Иса Оьз-ю дагъы да ари*
 и Иисус сам-POSS.3 еще ADD дальше
гет-ме сю-еген-де йимик гёр-юн-е.
 уходить-INF хотеть-PTCP.PRS-LOC подобно видеть-PASS-PRS
 букв. «и Иисус выглядит так, словно хочет идти еще дальше»

Структура этого предложения напоминает один из типов, который мы наблюдали в нахско-дагестанских языках: начальный субъект и конечный финитный глагол, между которыми располагается зависимая клауза. Ядро предложения — *Иса ... гёрюне* ‘Иисус выглядит/кажется’, зависимая причастная клауза в локативной форме содержит конечный симилиативный показатель *йимик* и буквально может быть переведена как ‘как когда хочет идти еще дальше’.

НОГАЙСКИЙ

(22) *Иса йол-ы-н бар-дыр-ган-дай эт-ти.*
 Иисус дорога-POSS.1-ACC идти-CAUS-PTCP-SIMIL делать-PST
 букв. «Иисус сделал, словно продолжая путь»

Данный перевод является одним из наиболее коротких и отчасти напоминает даргинский пример (8). Между членами главного предложения *Иса ... этти* ‘Иисус сделал’ располагается зависимое, причем на глаголе выделяется симилиативный показатель *-дай*. Вершина зависимого предложения — причастие на *ган* от каузатива глагола движения *бар-* ‘идти’. Как отмечается в грамматике (Баскаков 1973:

259), сочетание причастия на *ган* с «аффиксом уподобления» *-дай* функционирует как особое «деепричастие уподобления», ср. приводимый в описании пример *Атлыдынъ астындагы аты, бир зат сезгендей болып, пыскыра-пыскыра барады* 'Лошадь всадника, будто почуяв что-то, шла пофыркивая'.

5. Обсуждение: выявленные модели

Структура шестнадцати предложений, которые были проанализированы выше, в схематическом виде суммирована в таблице 3 (языки упорядочены по алфавиту). Во втором столбце представлена общая схема предложения, отражающая порядок основных компонентов: субъект, главный предикат, зависимый предикат; главный предикат здесь представлен в обобщенном виде. В третьем столбце дается буквальный перевод главного предиката, а в четвертом указывается форма предиката в зависимой клаузе и, при их наличии, используемые в ней служебные слова. Звездочкой обозначена морфологизация компонентов главного и зависимого предикатов.

Для **общей схемы предложения** выделяется три варианта: препозиция зависимой клаузы, ее постпозиция и ее вложение между субъектом и предикатом главной (о том, как в точности понимается «зависимая клауза», см. ниже). Первый вариант (схема «[...] вид сделал он») представлена только в близкородственных аварском, андийском и бежтинском языках; вопрос о том, связан ли выбор данной схемы со структурным сходством этих языков либо с влиянием аварского перевода на переводы на два малых языка, мы оставляем за пределами нашего рассмотрения. Схема с постпозицией зависимого предиката ожидаемо представлена в двух тюркских языках и в двух языках лезгинской группы — удинском и цахурском, в которых соответствующая модель развилась в результате контакта с азербайджанским (в удинском — также армянским). За исключением кумыкского, постпозитивная зависимая клауза в языках этой группы вводится комплементарно и содержит финитную форму глагола. Кумыкское предложение представляет промежуточный случай — в нем использовано постпозитивное, но нефинитное зависимое. Наконец, в остальных десяти языках зависимая клауза, выражающая изображаемую ситуацию, располагается после субъекта ('Иисус') и до главного предиката.

Для выражения **главного предиката** используется целый ряд различных глаголов и сочетаний. В шести случаях это сложные глаголы со значением ‘сделать вид’: в аварском, андийском и бежтинском это сочетание «притворство делать» с существительным ‘притворство’, по всей видимости, заимствованным из аварского в два малых языка, однако в самом аварском исконное. В чеченском и ингушском языках использовано сочетание «вид класть» с двумя разными, но в обоих случаях заимствованными существительными (тюркизмом и арабизмом) со значением ‘вид, образ, форма’. Наконец, сочетание вида «сведущий делать», используемое в цахурском, также содержит заимствованное имя и, по всей видимости, калькировано с азербайджанского эквивалента. В четырех языках (азербайджанском и трех лезгинских) использован переходный глагол ‘показывать’, в одном языке (кумыкском) — непереходный ‘выглядеть, казаться’. В двух современных удинских переводах главный предикат выражен сочетанием ‘вести себя (так, что)’. Наконец, наиболее интересная группа из пяти языков в качестве главного предиката использует глагол ‘делать’, так что специфический смысл ‘сделать вид, притвориться’ возникает в этих переводах только за счет комбинации с определенной формой зависимого. В двух языках глагол ‘делать’ выступает (в литературном даргинском) или может выступать (в лакском) в морфологизованной конструкции.

Наибольшее разнообразие наблюдается в оформлении **зависимой клаузы**, описывающей изображаемую ситуацию. Статус такой «зависимой клаузы» может быть различным — она может оформлять сентенциальный акт при глаголе ‘сделать вид’, служить определением к существительному ‘вид’ или выполнять другие функции. В пяти случаях зависимая клауза является комплементом, включающем финитную форму глагола. В четырех переводах (азербайджанском, двух удинских и цахурском), как уже говорилось выше, использована структура с подчинением «индоевропейского» типа: финитное зависимое находится в постпозиции к главному предикату и вводится начальным (по отношению к зависимой клаузе) комплементаризером. В андийском языке реализуется финитная стратегия другого типа: зависимая клауза препозитивна по отношению к главному предикату и закрывается квотативным показателем; тем самым, конструкция «притворства» здесь максимально близка к конструкции передачи речи. В нашей выборке это единственный случай, ко-

гда клауза, описывающая изображаемую ситуацию, маркируется кватативом, хотя типологически такое оформление не уникально⁶.

В подавляющем большинстве переводов (а именно, в двенадцати) предикат зависимой клаузы имеет форму причастия, хотя статус причастной клаузы в этих случаях может быть различен. Так, в четырех языках (аварский, бежтинский, ингушский и чеченский) причастная клауза является определением к существительному 'вид' как компоненту предиката 'сделал вид': здесь представлена структура типа «он [далее идущий] вид сделал».

В шести переводах в зависимой клаузе использован показатель симилятива — во всех этих случаях это постпозитивная частица или суффикс. Так, в агульском и лезгинском зависимое содержит субстантивированную форму причастия и показатель симилятива (структура типа «как идущий дальше»), в одном из удинских переводов причастная клауза определяет именную группу 'человек' с показателем симилятива (структура типа «как [идущий дальше] человек»), в кумыкском причастие выступает в локативном падеже, в данном случае с временным значением (структура типа «как когда идущий дальше»). В ногайском же языке сочетание причастия с показателем симилятива представляет собой скорее особый «уподобительный» конверб, так что общая структура зависимого может быть перифразирована как «словно идя дальше».

Заметим, что в двух переводах, в которых зависимое оформлено по финитной стратегии с комплементаризатором (цахурский и один из удинских), также используется дополнительный показатель, однако скорее симулятивный, чем симилятивный — это начальная частица 'будто', пришедшая из азербайджанского *giya*.

Наконец, три языка стоят в нашей микротипологии особняком, хотя формально во всех трех из них также использована причастная форма глагола в зависимой клаузе; во всех этих языках главным предикатом является глагол 'делать'. В лакском особый показатель *мишан*, возможно, является компонентом сложного предиката, при

---

⁶ Так, А. Айхенвальд упоминает использование кватативных или репортивных показателей в контекстах притворства, в т. ч. в ситуации распределения ролей в детских играх, в колумбийском испанском, австралийских языках вальпири и янкуньятяра и западногренландском языке (Aikhenvald 2004: 142–143, 181–182).

Таблица 3. Структура проанализированных предложений

Язык	Общая схема предложения	Главная клауза	Зависимая клауза
аварский	[...] вид сделал он	притворство делать	причастие
атульский	Иисус [...] вид сделал	делать	причастие (субст.) + SIMPL
азербайджанский	Он сделал вид, что [...]	показывать	финитная, с комплементаризером
андийский	[...] вид сделал он	притворство делать	финитная + QUOT
бежтинский	[...] вид сделал он	притворство делать	причастие
даргинский	Иисус [...] вид сделал	делать*	генитив причастия
ингушский	Иисус [...] вид сделал	вид класть	причастие
кумыкский	Иисус выглядел, будто [...]	выглядеть	причастие (лок.) + SIMPL
лакский	Иисус [...] вид сделал	-мишан + делать*	причастие*
лезгинский	Иисус [...] вид сделал	показывать	причастие (субст.) + SIMPL
ногайский	Иисус [...] вид сделал	делать	причастие + SIMPL
рутульский	Иисус [...] вид сделал	делать	причастие (субст., атриб., мн.ч.)
табасаранский	Иисус [...] вид сделал	показывать	темпоральная форма + SIMPL
удинский (варт.)	Он сделал вид, что [...]	показывать	финитная, с комплементаризером
удинский (нидж.)	Иисус себя [...] повел	вести себя	причастие + 'человек' + SIMPL
удинский (нидж.)	Иисус повел себя так, что [...]	вести себя	финитная, с комплементаризером и частицей 'будто'
цахурский	Он сделал вид, что [...]	сведущий делать	финитная, с комплементаризером и частицей 'будто'
чеченский	Иисус [...] вид сделал	вид класть	причастие

этом он может либо сливаться с «легким глаголом» ‘делать’, либо же, наоборот, примыкать к причастию в препозитивной зависимой клаузе. В рутульском в роли объекта при глаголе ‘делать’ выступает субстантивированная форма множественного числа от атрибутивной формы причастия (с некоторой долей условности можно назвать атрибутивную форму генитивом причастия). В даргинском также использован генитив причастия, хотя морфологически он слит с глаголом ‘делать’, причем «окаменевший» классно-числовой показатель на глаголе — тоже множественного числа. Очень условно перефразировать обе конструкции, рутульскую и даргинскую, можно следующим образом: значение ‘сделал вид, что хочет идти дальше’ выражено как «сделал (вещи,) которые связаны с желающим(и) пойти». Именная вершина в двух последних языках опущена, и в целом «конструкции притворства» в них представляются наиболее идиоматичными.

Заключение

Итак, мы проанализировали перевод одного и того же контекста в Евангелии от Луки (*Иисус сделал вид, что хочет идти дальше*, Лк. 24:28) на шестнадцать языков, в числе которых тринадцать языков нахско-дагестанской семьи, принадлежащих всем ее основным ветвям. Сделано это было с целью установить средства выражения значения ‘сделать вид’, ‘притвориться’ в языках семьи, сопоставив их не только между собой, но и с тремя тюркскими языками восточнокавказского ареала. Поскольку с семантической точки зрения данный контекст является достаточно маргинальным, априорных ожиданий ни о способе его выражения, ни о степени вариативности в языках нашей выборки у нас не было. Из типологических работ мы знали лишь, что выражение значения «притворства» может быть релевантным, с одной стороны, для комплементации, с другой — для сравнительных конструкций, а кроме того, не исключено и наличие специализированных грамматических средств кодирования этого значения.

Как показало наше внутригенетическое микроисследование, вариативность в средствах выражения интересующего нас значения оказалась чрезвычайно высокой. Так, можно заметить, что в таблице 3,

представляющей средства выражения в обобщенном схематическом виде, совпадают только три пары строк (это аварский и бежтинский, ингушский и чеченский, варташенский удинский и азербайджанский), хотя и внутри этих пар могут наблюдаться различия по более частным параметрам. В той мере, в какой это можно утверждать по нашим данным, в нахско-дагестанских языках не существует никакого общего или «прототипического» способа описать значение ‘сделать вид’. Для ряда языков можно говорить о преимущественно лексическом способе выражения (ср. наличие сложных глаголов типа «притворство делать», «вид делать» в аваро-андо-цезских и нахских языках). В других языках используются глаголы с общим значением (типа ‘показывать’, ‘вести себя’ или просто ‘делать’), однако присутствуют дополнительные средства указания на ситуацию как на «изображаемую», а не реальную — прежде всего симулятивные (‘как, словно’) или, реже, симулятивные (‘будто’) показатели. Нельзя утверждать и что в нахско-дагестанских языках отсутствуют специальные грамматические средства выражения значения «притворства»: таковыми, по всей видимости, можно считать конструкции, отмечаемые в лакском, литературном даргинском и рутульском языке (все они при этом различны).

В начале нашей работы мы уже отмечали, что более полное изучение конструкций со значением «притворства» в нахско-дагестанских языках должно включать как сбор данных по словарям, грамматикам и текстам этих языков, так и опрос носителей, причем на основе не одного, а нескольких различных контекстов. Тем не менее, мы надеемся, что начало такому изучению положено и будущие исследователи смогут опираться на наши данные, приступая к этой незаслуженно обойденной вниманием теме.

Благодарности

Мы признательны за консультации по анализу конкретно-языковых примеров М. О. Ибрагимовой, В. С. Мальцевой, З. Молочевой, Дж. Николс и Н. Р. Сумбатовой. Отдельная благодарность — Самире Ферхеес, которая невольно привлекла внимание автора к конструкциям со значением притворства.

Сокращения

1, 3, 4 — 1-й, 3-й, 4-й род (класс); 1, 3 — 1-е, 3-е лицо (в тюркских языках); 3SG — 3-е лицо ед.ч.; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; ADV — наречие; ALL — аллатив; AOR — аорист; ATTR — атрибутив; BE — бытийный глагол; CAUS — каузатив; COMP — компементайзер; COP — связка; CVB — деепричастие; DAT — датив; EL — элатив; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; NPL — множественное число личного класса; IN — локализация ‘внутри’; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; J — род (класс) с показателем -j; LOC — локатив; M — мужской род; MSD — масдар; N — средний род; NEG — отрицание; NPL — множественное число неличного класса; OBL — косвенная основа; PASS — пассив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — преверб; QUOT — квотатив; RE — рефактив; SIMIL — симилиатив; ST — отделимая часть основы; SUBST — субстантивация; SUP — локализация ‘наверху’; TEMP — деепричастие времени (‘когда’); WPST — прошедшее время прямой засвидетельствованности. Точка в именных формах отделяет семантически пустой показатель косвенной основы. Глоссы в примерах из цитируемых работ незначительно изменены в целях унификации.

Источники библейских переводов¹

аварский	<i>Инжил</i> . М.: ИПБ, 2008.
агульский	<i>Лукайин Китаб. Месигь Исайихъас Идже Хабар</i> . М.: ИПБ, 2005.
азербайджанский	<i>Инчил</i> . М.: ИПБ, 1998.
андийский	<i>Лукаиди босам рергъанольъи хабар</i> . М.: ИПБ, 2015.
бежтинский	<i>Лука мейо Рохеллис Хабар</i> . М.: ИПБ, 1999.
даргинский	<i>Инжил. Лукала гIяхI хабар</i> . М.: ИПБ, 2010.
ингушский	<i>Хоза Кхаъ. Ийсас бена, Лукийс дIаязбаъ</i> . М.: ИПБ, 2005.
кумыкский	<i>Сыйлы Китап</i> . М.: ИПБ, 2007.
лакский	<i>Инжил. Ххарисса Хавар</i> . М.: ИПБ, 2012.
лезгинский	<i>Цийи Икърар</i> . М.: ИПБ, 2018.
ногайский	<i>Инжил</i> . М.: ИПБ, 2011.
рутульский	<i>Лукадаады Шадды Хабар</i> . М.: ИПБ, 2004.

¹ Указываются отдельные издания Евангелия от Луки или полные издания Нового Завета; все цитируемые переводы Института перевода Библии доступны на сайте <http://ibt.org.ru/>.

- табасаранский *Цийи Йикърар*. М.: ИПБ, 2010.
- удинский (варт.) Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XXX. Тифлис, 1902.
- удинский (нидж.) *Luk'an exlätbi Müq Xavar*. Ваки, 2011.
- удинский (нидж.) *Luk'an šampri Müq Xavar*, 2019. [Рукопись.]
- цахурский *Лукайкена Шадна хабар*. М.: ИПБ, 2003.
- чеченский *Делан Йозанаиш*. М.: ИПБ 2012.

Л и т е р а т у р а

- Абдуллаев З. Г. 2017. *Даргинско-русский словарь. Дарган-урус словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Алексеев М. Е. 2011. *Перевод Библии на языки народов России: социолингвистические аспекты*. М.: Academia.
- Алироев И. Ю. (сост.). 2005. *Чеченско-русский словарь*. М.: Academia.
- Аристава Ш. К. и др. 1968. *Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология*. Сухуми: Алашара.
- Баскаков Н. А. (ред.). 1973. *Грамматика ногайского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология*. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во.
- Гигинейшвили Б. 1959. О категории аспекта в удинском языке. *Иберийско-кавказское языкознание*, т. XI, 361–383. [На груз. яз.]
- Гимбатов М. М. 2006. *Аварско-русский словарь*. Махачкала: ДНЦ РАН. Рукопись.
- Гукасян В. Л. 1974. *Удинско-азербайджанско-русский словарь*. Баку: Элм.
- де Ваард Я., Найда Ю. А. 1998. На новых языках заговорят. *Функциональная эквивалентность в библейских переводах*. СПб.: Российское библейское общество.
- Джидалаев Н. С. 1994. *Русско-лакский словарь*. Махачкала: Дагучпедгиз.
- Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М. 2010. *Цахурско-русский словарь*. Махачкала: ДНЦ РАН.
- Исмаилова Э. И. 2011. *Русско-рутутьский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Кибрик А. Е. 1993. Родственные языки как объект типологии. В сб.: Т. Н. Молошная и др. (ред.). *Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании*. М.: Ин-т славяноведения РАН.
- Кибрик А. Е. 2003. Родственные языки как объект типологии. В кн.: А. Е. Кибрик. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алетейя, 159–163.
- Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). 1999. *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие.

- Комри Б., Халилов М. Ш., Халилова З. М. 2015. *Грамматика бежтинского языка: Фонетика. Морфология. Словообразование*. Лейпциг — Махачкала: АЛЕФ.
- Майсак Т. А. 2013. Удинский перфект: анализ употреблений в параллельном корпусе. В сб.: *Семантика языковых единиц разных уровней*, вып. 15. Махачкала, 97–100.
- Майсак Т. А. 2014. Удинский перфект в параллельном корпусе (на материале перевода Евангелия от Луки). *Структурная и прикладная лингвистика*, № 10, 119–142.
- Мельчук И. А. 1998. *Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения*. М.: Языки русской культуры — Вена: Wiener Slawistischer Almanach.
- Саидова П. А. 2019. *Словарь андалальского диалекта аварского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; АЛЕФ.
- Сулейманов Я. Г. 1957. *Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани)*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР.
- Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю. 1998. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива. *Вопросы языкознания*, № 4, 35–57.
- Хайдаков С. М. 1962. *Лакско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Халидов А. И. 2004. *Типологический синтаксис чеченского простого предложения*. Нальчик: Эль-Фа.
- Халилов М. Ш. 2015. *Словарь бежтинского языка*. Махачкала: АЛЕФ.
- Юсупов Х. А. 2017. *Даргинско-русский словарь. Дарган-урус словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Aikhenvald A. Y. 2004. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Babaliyeva A. 2013. *Études sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire*. Thèse de doctorat. Paris: École Pratique des hautes études.
- Chirikba V. 2003. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. In: A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Studies in evidentiality*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins, 243–272.
- Cinque G. 1999. *Adverbs and functional heads: a cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Cristofaro S. 2005. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press.
- Cysouw M., Wälchli B. (eds.). 2007. Parallel texts. Using translational equivalents in linguistic typology. Theme issue in: *Sprachtypologie & Universalienforschung — STUF* 60(2).
- Dahl Ö., Wälchli B. 2016. Perfects and iamitives: Two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*, v. 51(3), 325–348.
- Dixon R. M. W. 2009. The semantics of clause linking in typological perspective. In: R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *The semantics of clause linking. A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 1–55.

- Dixon R. M. W. 2010. *Basic linguistic theory. Vol. 2: Grammatical topics*. Oxford: Oxford University Press.
- Gippert J. 2011. Relative clauses in Vartashen Udi: preliminary remarks. *Iran and the Caucasus*, v. 15, 207–230.
- Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. 2008. *The Caucasian Albanian palimpsests of Mount Sinai. Edition and interpretation*. 2 vols. Turnhout: Brepols.
- Greenberg J. H. 1969. Some methods of dynamic comparison in linguistics. In: J. Puhvel (ed.). *Substance and structure of language*. Berkeley: University of California Press, 147–203. (Reprinted in: K. Denning, S. Kemmer (eds.). 1990. *On Language: Selected writings of Joseph H. Greenberg*. Stanford, CA: Stanford University Press, 71–118.)
- Haspelmath M. 1993. *A grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kibrik A. E. 1998. Does intragenetic typology make sense? In: W. Boeder, C. Schroeder, K. H. Wagner, W. Wildgen (eds.). *Sprache in Raum und Zeit: In memoriam Johannes Bechert, Bd. 2: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft*. Tübingen: Narr, 61–68.
- Nichols J. 2011. *Ingush grammar*. Berkeley: University of California Press.
- Noonan M. 1985. Complementation. In: T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Volume 2: Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 42–140.
- Noonan M. 2007. Complementation. In: T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Volume 2: Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 52–150.
- Schulze W. 2001. *The Udi Gospels: Annotated text, etymological index, lemmatized concordance*. München: Lincom Europa.
- Sumbatova N. R., Mutalov R. O. 2003. *A grammar of Içari Dargwa*. München: LINCOM Europa.
- Тагъиев М. Т. оғлу (red.). 2006. *Azərbaycanca-rusca lügət*. 4 vols. Bakı: Şərq-Qərb.
- Treis Y. 2018. Comparative Constructions: An Introduction. In: Y. Treis, K. I. Wojtylak (eds.). On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. Special issue of: *Linguistic Discovery*, v. 16(1), i–xxvi.
- Treis Y., Vanhove M. (eds.). 2017. *Similative and Equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Treis Y., Wojtylak K. I. (eds.). 2018. On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. Special issue of: *Linguistic Discovery*, v. 16(1). <https://journals.dartmouth.edu/cgi-bin/WebObjects/Journals.woa/1/xmlpage/1/issue/51>
- van den Berg H. 2001. *Dargi folktales: Oral stories from the Caucasus with an introduction to Dargi grammar*. Leiden: Research School of Asian, African and Amerindian Studies.

- Vuillermet M. 2018. Comparative, similitive and simulative expressions in Ese Ejjä. In: Y. Treis, K. I. Wojtylak (eds.). On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. Special issue of: *Linguistic Discovery*, v. 16(1), 141–161.
- Wälchli B. 2005. *Co-compounds and natural coordination*. Oxford: Oxford University Press.
- Wälchli B., Cysouw M. 2012. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*, v. 50(3), 671–710.